

Глава 8. Недуг

В карете Линь Мо осторожно заметил:

— Молодой господин, мы ведь так и не отдали управляющему Ли деньги за ущерб.

Линь Лан только-только вздохнул с облегчением, радуясь, что гроза миновала, как этот недотёпа опять завёл свою волынку. Вечно он лезет под руку с дурными вестями! В этот миг он как никогда остро понял страдания учителя Линъюнь-цзы.

Он смерил слугу тяжелым взглядом:

— А тебе-то что за забота?

Линь Мо так и отпрянул, поспешно втиснувшись в самый угол сиденья.

— Считайте, молодой господин, что я и рта не открывал, — пробормотал он.

— Ну надо же! — горько усмехнулся Линь Лан. — А я бы дорого дал, чтобы и учитель притворился, будто меня сегодня у него не было. Только разве такое возможно?!

Видя, как хозяин скрежещет зубами, Линь Мо торопливо засуетился:

— Ой, что-то карету как-то подозрительно трясет, пойду-ка я гляну, всё ли ладно.

Не дожидаясь ответа, он приоткрыл дверцу и юркнул наружу.

Линь Лан, оставшись один, перестал храбриться и без сил откинулся на мягкие подушки.

— И почему сегодня со мной увязался именно ты? — крикнул он вдогонку. — Где Линь Янь?

Едва устроившись на козлах, Линь Мо услышал, как хозяин ворчит за его спиной. Неловко улыбнувшись кучеру, он отозвался:

— Линь Янь и собирался ехать, да перед самым выходом его перехватил наш главный управляющий Линь. Срочное дело какое-то поручил, вот мне и пришлось занять его место.

Прождав немного и не услышав больше вопросов, Линь Мо со спокойной душой завёл неторопливую беседу с кучером из дома Цзя.

Внутри экипажа Линь Лан поначалу просто лежал пластом, но тоска быстро взяла своё. Он сел прямо, принялся разглядывать убранство кареты. Очень скоро и это занятие ему наскучило. Непривычная праздность тяготила деятельную натуру юноши, вгоняя в глухое уныние. Не выдержав, он отодвинул плотную занавеску и стал глядеть в окно.

Поместья Лин и Жунго располагались по соседству — оба в престижных кварталах столицы, где селилась почтенная знать. Улицы здесь дышали сонной тишиной, прохожих почти не встречалось. За окном неторопливо проплывали глухие заборы и величественные ворота богатых усадеб. Глядя на них, Линь Лан невольно принялся перебирать в памяти уроки своего учителя, полученные ещё в Гусу, и наставления отца, которые тот давал перед отъездом в столицу: кто кому приходится родственником, какие союзы связывают знатные роды и кто какую силу имеет при дворе.

За этими размышлениями время пролетело незаметно. Стоило ему вспомнить лишь несколько влиятельных семейств, как карета уже остановилась у ворот поместья Жунго.

Едва они подъехали, как небо, собиравшееся с силами весь день, наконец разверзлось проливным дождём.

— Вот так ливень! — запричитал выскочивший навстречу слуга у ворот. — Как же вовремя вы вернулись, молодой господин Линь, ещё бы немного — и вымокли бы до нитки!

Другой привратник поспешно протянул Линь Мо большой зонт:

— Коли молодой господин Линь не побрезгует, возьмите наш зонт, укройтесь от непогоды!

— С чего бы мне брезговать? — мягко улыбнулся Линь Лан. — Только если я заберу его, как же вы сами доберётесь до дома?

— Пустяки, господин! — махнул рукой привратник. — У ребят найдутся ещё зонты, дойду с кем-нибудь под одним. Вы ступайте скорее, дождь-то расходится не на шутку.

Линь Лан не стал больше спорить.

— Благодарю вас. Я пришлю кого-нибудь вернуть вещь, как только устроюсь.

— Да не стоит беспокойства, господин! Будет время — занесёте, я почитаю всегда тут стою. А забудете — так и ладно, велика ли ценность, обычный зонт.

Видя, что слуга говорит от чистого сердца, Линь Лан благодарно кивнул и в сопровождении Линь Мо зашагал в глубь усадьбы.

Матриарх выделила Линь Лану просторный двор в западной части усадьбы. Подобно Двору Ароматов Груши, он имел собственный выход на улицу через небольшие ворота, что делало его крайне удобным для свободного входа и выхода. Возможно, по уединённости и изысканному убранству он уступал Двору Ароматов Груши, но имел одно неоспоримое преимущество — он был огромен!

Пышное величие заботило Линь Лана меньше всего. Куда важнее было то, что он привёз с собой множество слуг, и в тесноте ему пришлось бы несладко. Мысль о том, чтобы ютиться всем скопом в крошечном флигеле, казалась ему невыносимой. А здесь места хватало с лихвой.

Путь от парадных ворот до жилых покоев лежал неблизкий. И хотя почти везде тянулись крытые галереи, в нескольких местах всё же пришлось пробежать под открытым небом. Этого хватило: к моменту, когда Линь Лан переступил порог своего двора, одежда его основательно промокла.

К счастью, Дайюй ушла проводить кузин, и ей не довелось увидеть брата в столь жалком виде.

— Батюшки! — всполошилась Хэуань, едва заведя промокнувшего хозяина. — Живо идите переодеваться, молодой господин! А я велю поскорее согреть воды для купания.

Не успела она договорить, как Линь Лан оглушительно чихнул. Перепуганные Хэлэ и Хэжу подхватили его под руки и увели в спальню, заставив немедленно скинуть сырую одежду.

Тут же подросла Хэцзя с чашкой обжигающего имбирного отвара. Принимая питье, Линь Лан велел:

— Налейте чарку и Линь Мо. Бедняга промок куда сильнее меня.

— О себе бы лучше подумали, молодой господин, — проворчала Хэлэ. — У Линь Мо здоровье бычье, ничего с ним не сделается. Небо весь день тучами заволакивало, а вас всё из дому несло! Только-только от хвори оправились — и опять под ливень. Посмотрю я, как вы потом будете морщиться, целебные снадобья глотая!

Хэцзя, заметив бледность на лице Линь Лана, поспешила вмешаться:

— Хэлэ, сходи-ка на кухню, поторопи с водой. А вы, молодой господин, не беспокойтесь о слуге, имбирный отвар ему уже унесли. Выпейте всё до капли, хорошенько прогрейтесь в купели, да ложитесь под одеяло, ладно?

Поняв, что старшая горничная мягко осаживает её, Хэлэ досадливо топнула ногой и послушно убежала на кухню.

Линь Лан обычно прощал Хэлэ её излишнюю бойкость, вот и на этот раз промолчал. Тем

временем девица ворвалась на кухню и застала там прелюбопытную картину: две младшие горничные, приехавшие с ними из дома Линь, превесело болтали и зубоскалили с чернорабочими бабами из поместья Цзя.

Вспыхнув от гнева, Хэлэ напустилась на бездельниц:

— Ах вы, негодницы! Не успели приехать, как уже стыд потеряли! Молодой господин под дождём вымок, а вы вместо того, чтобы воду греть, языками чешете? Бунт на корабле затеяли?!

Среди старших горничных Хэлэ была самой юной, и старшие подруги всегда ей потакали. Младшие служанки обычно не смели с ней пререкаться. К тому же она, хоть и отличалась крутым нравом, всегда рубила правду-матку в глаза и попусту скандалов не устраивала.

Однако эти две девицы давно спали и видели, как бы выслужиться перед молодым господином. Они только и ждали, пока Хэцзя со своими сверстницами выйдут замуж и освободят места старших горничных. Их давно задевало, что какая-то пигалица Хэлэ ходит в старших, пока они прозябают на вторых ролях. А тут ещё при чужих людях их так бесцеремонно отчитали! Обида и уязвленное самолюбие взяли верх.

Одна из них, набеленная девица в ярко-зелёном платье, язвительно процедила:

— Подумаешь, перекинулись парой слов! Вода и так греется, никто без дела не сидит. Видать, тебя, сестрица Хэлэ, саму кто-то обидел, вот ты на нас злость и срываешь!

Хэлэ уже набрала в грудь воздуха для яростного отпора, но тут на пороге показалась Хэжу.

Хэцзя, зная вспыльчивый нрав подруги, побоялась, что та устроит громкий скандал на глазах у челяди дома Цзя и тем самым опозорит имя Линь. Потому она и отправила рассудительную Хэжу следом.

Опасения оказались не напрасными: Хэлэ вспыхнула как пороховая бочка. Ещё минута — и девки вцепились бы друг другу в волосы.

Войдя, Хэжу строго прикрикнула:

— Будет вам языками молоть! Живо за дело!

Младшие служанки, понимая свою неправоту и не смея спорить со строгой Хэжу, поспешно засуетились у котлов. Хэлэ порывалась вставить ещё слово, но Хэжу остановила её одним предостерегающим взглядом.

Хэлэ, при всей своей строптивости, глупой не была, да и перед Хэжу испытывала робость, а потому прикусила язык.

Когда вода согрелась, Хэлэ застелила купальную лохань чистыми простынями. Хэжу велела крепким бабам поднять ушат, а провинившимся девкам приказала придерживать края полотна, чтобы не расплескать воду и уберечь хозяина от сквозняка. Общими усилиями купель доставили в покои Линь Лана.

Оставив хозяина одного, служанки тихо удалились. Линь Лан благостно грелся в горячей воде около четверти часа, пока не почувствовал, как к голове подступает лёгкая дурнота. Решив, что его просто разморило от жара, он не придавал этому значения. Выбравшись из ушата, переоделся в сухую одежду и позвал слуг прибраться, а сам, не в силах превозмочь навалившуюся слабость, безвольно повалился на постель.

Сон не шел. Заметив, что хозяин беспокойно ворочается, Хэцзя бесшумно подошла к изголовью и приложила ладонь к его лбу.

— Ну как? — шепотом спросила заглянувшая в комнату Хэхуань. — Горит?

— Горячий, — встревоженно отозвалась Хэцзя.

Линь Лан приоткрыл тяжелые веки:

— Пустяки... Ступайте, не мешайте мне спать.

— А ужин? Будете кушать, молодой господин? — мягко спросила Хэхуань.

— Нет.

Девушки переглянулись и беззвучно вышли. Отойдя подальше от дверей, чтобы не тревожить больного, они остановились в саду.

— Может, доложить Старой госпоже? — с тревогой спросила Хэхуань.

— Непременно, — кивнула Хэцзя. — Сейчас жар ещё терпимый, но к ночи недуг может разыгаться не на шутку.

Не мешкая, они направились к Матриарху. Дождь к тому времени заметно утих и вот-вот обещал совсем прекратиться.

Остановившись у входа в покои Старой госпожи, девушки пригладили растрепавшиеся волосы,

оправили подола платьев и стали ждать, пока служанка доложит о них.

Вскоре горничная вернулась и кивком пригласила их войти. Хэцзя тихонько поблагодарила её, а Хэхуань незаметно вложила в руку девицы серебряный лян. После этого обе вошли в комнату.

— Нижайший поклон Старой госпоже от рабынь ваших, Хэцзя и Хэхуань, — хором произнесли они, склонившись в глубоком поклоне.

— Будет вам, встаньте, — ласково промолвила Матриарх. — С какими вестями пожаловали?

Поднявшись, Хэцзя заговорила:

— Осмелимся доложить Старой госпоже: молодой господин только воротился, да под дождь дорогой попал. Нынче у него сильный жар. Пришли мы смиренно просить вашего дозволения призвать лекаря, дабы осмотрел нашего хозяина.

— Ах, батюшки! Неужто сильно занемог? — всполошилась Матриарх. — Юаньян, деточка, возьми визитную карточку да пошли кого поживее за таи Бао! Пусть немедленно едет сюда.

— Благодарим за великую милость, Старая госпожа, — склонила голову Хэхуань. — Сейчас хворь ещё не вошла в силу, но мы опасаемся ночного жара, потому и решили перестраховаться.

Матриарх одобрительно закивала:

— И то верно. Заботливые вы девки, преданные.

— Долг всякого слуги — радеть о здравии господина, — скромно потупилась Хэцзя. — Где уж тут великая заслуга?

— Не велите казнить, почтенная госпожа, но нам надобно спешить назад, к постели больного, — добавила Хэхуань.

— Ступайте, ступайте, — отпустила их Матриарх. — Коли Лан-эру надобно будет чего из еды аль забавы какой захочется, тотчас присылайте ко мне. И не вздумайте скромничать!

Девушки поклонились и вышли. К тому моменту, как они воротились в свой двор, дождь окончательно прекратился.

Хэлэ всё ещё не могла успокоиться и без умолку тараторила, изливая обиду безучастной Хэжу.

Завидев подруг, она всполошилась:

— Где вас черти носили? Уж не вздумали ли и вы под дождём прохладиться, вслед за молодым господином?

— И откуда в тебе столько яду, Хэлэ? — покачала головой Хэхуань. — Язык без костей, а вы её ещё и балуете.

Хэцзя лишь вздохнула:

— У нашего барина жар разыгрался. Боимся, как бы к ночи хуже не стало. Вот мы и ходили к Старой госпоже просить таи Бао.

— Вот оно что... — присмирела Хэлэ. — Тогда скинули бы вы сырое платье, неровен час, сами захвораете.

— Пресвятой Будда! Наконец-то вы пришли, — с облегчением рассмеялась Хэжу. — У меня от её щебетания уже в ушах звенит. Уберите её от меня ради всего святого!

Хэхуань с улыбкой увлекла раздухарившуюся подругу за собой:

— Пойдём-ка, егоза, поможешь мне переодеться.

— Да на мне же сухой нитки нет... то есть, тьфу, я ведь сухая совсем! — упиралась та. — Сестрица Хэжу, так ты, значит, меня прогоняешь?!

Хэцзя тихонько рассмеялась и, подхватив упрямыцу под другой локоть, увлекла за собой:

— Да вот уже и на тебя брызнуло. Идём, идём, поменяем платье.

Оставшись одна, Хэжу с облегчением вздохнула и с мягкой улыбкой устроилась на дежурство у дверей Линь Лана.

Минул примерно час, прежде чем у ворот показалась запыхавшаяся пожилая служанка, сопровождавшая солидного господина в длинном халате. Хэцзя с подругами, уже поджидавшие гостя на крыльце, почтительно склонились, бесшумно приоткрыли двери и провели лекаря к постели больного.

Пока лекарь прощупывал пульс Линь Лана, приведшая его старуха не отходила ни на шаг, внимательно наблюдая за каждым движением.

«Верно, это доверенная служанка Старой госпожи, старуха Лай», — мысленно рассудила Хэцзя.

Линь Лан проснулся, едва у его постели зашуршали шаги. Однако сил подниматься не было, и он послушно лежал, позволяя делать с собой всё, что требуется.

Хэхуань пригласила лекаря к столу, где тот, устраиваясь, осведомился:

— Не случилось ли молодому господину прежде жестоко простужаться?

— Случалось, — вполголоса ответила Хэхуань.

Придворный лекарь понимающе кивнул и взялся за кисть. Хэцзя заглянула в готовый рецепт и, найдя назначения вполне разумными, кивнула стоявшей рядом служанке, велев поскорее развести огонь под аптекарским котелком. Хэхуань же выслушала наставления лекаря и протянула ему кошелек с серебром в знак признательности. Тот для приличия пару раз отмахнулся, но подношение всё же принял.

Хэцзя тем временем незаметно скользнула к старухе и вложила ей в ладонь увесистый слиток:

— Уважаемая нянюшка, не обижайте отказом, примите скромный гостинец от нашего молодого господина.

Почувствовав пальцами добрых пять лянов, старуха Лай расплылась в улыбке и спрятала серебро в рукав без лишних церемоний.

Хэлэ вызвалась проводить гостей до ворот и вскоре вернулась в дом.

Хэцзя принесла таз с горячей водой, намочила ткань и бережно приложила к пылающему лбу больного, то и дело меняя остывающую повязку. Хэхуань, видя, что у постели есть кому посидеть, собралась было на кухню проследить за варкой снадобья, но обнаружила, что Хэлэ уже вовсю хлопочет там. Тогда она распорядилась сварить ещё и жидкой рисовой каши: пускай господин сначала примет лекарство, заест его тёплой кашницей — и на боковую.

В почивальне царил полумрак.

— Юй-эр вернулась? — слабо спросил Линь Лан.

— Ещё нет, — тихо ответила Хэцзя. — Должно быть, Старая госпожа оставила барышню к

ужину.

Линь Лан прикрыл глаза и сокрушённо вздохнул:

— Слышал я, как Хэуань направо и налево серебром сорит... Эдак мы по миру пойдём. У меня аж сердце кровью обливается.

— Да ведь вы сами нас тому учили, молодой господин! — возразила Хэжу, поправляя ему одеяло. — Говорили, в доме Цзя вся челядь насквозь корыстная, и коли не подмажешь — житья не дадут, грязью за глаза обольют.

— Эх... Мало ли что я болтал, — поморщился Линь Лан. — Кто же знал, что слухи не врут и они действительно до денег голодные. Наши-то люди за эти дни со двора не отлучались?

— Никто, — успокоила его Хэцзя. — Только те, кто при вас да при барышне безотлучно состоят. Лишний шаг за ворота никто не делает.

Линь Лан молча кивнул и закрыл глаза. В комнате воцарилась чуткая тишина, нарушаемая лишь мерным дыханием больного. Хэцзя и Хэжу застыли у постели, оберегая его покой.

<http://bllate.org/book/18219/1752242>